

ОДИССЕЯ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

■ ПРОЗА

ВАДИМА МЕСЯЦА

ВАДИМ МЕСЯЦ

Искушение
архангела
Гройса

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М53

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Фотография на обложке *Давида Паташинского*

Иллюстрация на переплете *Арины Обух*

Месяц, Вадим Геннадиевич.
М53 Испытание архангела Гройса / Вадим Месяц. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-699-99012-2

«Испытание архангела Гройса» вначале кажется забавной историей бизнесмена, который бежал из России в Белоруссию и неожиданно попал в советское прошлое. Но мирные окрестности Мяделя становятся все удивительнее, а события, происходящие с героем, все страннее и загадочнее... Роман Вадима Месяца, философский и приключенческий, сатирический и лирический, — это прощание с прошлым и встреча будущего.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Месяц В., 2018
© Давид Паташинский,
фотография на обложке, 2018
© Арина Обух, иллюстрации
на переплете и в тексте, 2018
ISBN 978-5-699-99012-2 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ЧАЙНИК.....	9
2. ИЕРОГЛИФ	13
3. ДОМ У ВЕРТОЛЕТНОЙ ПЛОЩАДКИ.....	22
4. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПИРАМИДА.....	27
5. БЕЛАЯ ЖЕНЩИНА.....	31
6. МАТЮШОНОК.....	35
7. ОНИ ПОЗОРЯТ НАШ РАЙОН.....	37
8. СТРАУСИНАЯ ФЕРМА	40
9. ЛЕГИОН	48
10. ГЕРВЯТЫ	51
<i>КУНСТКАМЕРА I</i>	58
11. ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ	90
12. ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ (2)	92
13. РЫЦАРИ МУСОРОВОЗА.....	103
14. КРЕСТ В ЛЕСУ.....	105
15. ПИЛОРАМА.....	107
16. КУПАЛИНКА	109
17. МИШАНЯ.....	115
18. КЛАДБИЩЕ В ТЕЛЯКАХ	119
19. ПАРТИЗАНЫ.....	123
20. ЛЕСТНИЦА В НЕБО.....	126
21. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ И РАЙ ОБРЕТЕННЫЙ	131
<i>КУНСТКАМЕРА II</i>	137
22. ДЫМ С НИЖНЕГО ЭТАЖА	156
23. ТРЕВОЖНЫЙ ЗВОНОК.....	159
24. УСАДЬБА У КОСТЕЛА СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ.....	165
25. ПРИВИДЕНИЕ	168

26. БЕЛАЯ ВЕЖА	173
27. ПУЩА	177
28. СВЯТАЯ ЛОЛА	186
29. «ПРАЖСКАЯ ЗИМА»	193
30. ДРУЯ	199
31. ГАЗООБРАЗНАЯ ШЕРСТЬ	209
32. ДЯДЯ ГОГА	216
<i>КУНСТКАМЕРА III</i>	229
33. ТРУБАДУРЫ	247
34. VITA NOVA	250
35. САНАТОРИЙ «ПРИОЗЕРНЫЙ»	255
36. CONFESSA	261
37. СУММИРУЯ ГАЗЕТНУЮ ИНФОРМАЦИЮ	266
38. ИЕРОГЛИФ БЕЗУМНОГО МАКСА	270
39. ОПЯТЬ В ГЕРВЯТАХ	275
<i>КУНСТКАМЕРА IV</i>	283
40. ИКОНА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО	302
41. СВЯТАЯ ВОДА И ЕЕ ЗАМЕНИТЕЛИ	305
42. ЧЕРНОЯРОВ	312
43. МАРАФОН ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ	318
44. TELLERMINE 42 (T. Mi. 42)	323
45. ТЯЖЕЙШАЯ И ДЮЖЕЙШАЯ	328
46. SPRENGMINE 35 (S. Mi. 35)	332
47. ГЛАВНОЕ СЛОВО	334
48. КРИКШТЫ И ПРОЧИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКРОКУЛЬТА	337
49. КОЛОННА АВТОМОБИЛЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКОГО КЛАССА	345
50. ИЛАНА, ЯНА, ТАТЬЯНА И ЛОЛОЧКА	350
51. ВОССТАНИЕ КАБАНОВ	359
52. ДАЙТЕ НАМ ИСПИТЬ ЭТУ ЧАШУ	366
53. ЖИВОЙТ	375
54. ПРИСТАНЬ В КОНЦЕ ПУТИ	380

*Андрею Сенаторскому,
гибель которого заставила меня
сесть и написать эту книгу*

— Все эти чудеса, — промолвила Эмина, — создание Гомелесов. Они вырубili пещеры в этих скалах, когда были еще властителями страны, или, верней, окончили работу, начатую язычниками, населявшими Альпухару в момент их прибытия. По мнению ученых, на этом месте находились прииски чистого бетийского золота, а древние пророчества утверждают, что вся эта местность снова станет когда-нибудь собственностью Гомелесов...

*Ян Потоцкий. Рукопись,
найденная в Сарагосе*

Ибо Ахав был хан морей, и бог палубы,
и великий повелитель левиафанов.

Герман Мелвилл. Моби Дик

Я выбираю регион для жизни по кладбищу.
Прихожу, смотрю на таблички. Там, где живут до
девяноста восьми — ста лет, — остаюсь.

*Вечный Жид на фестивале
«Славянский базар» в Витебске
(из подслушанного разговора)*

1. ЧАЙНИК

— Шнурапет! — с нарастающим раздражением процедил Костя сквозь зубы. — Шнурапет! Подумать только... «Шнура», а потом «пет»! — Носитель непонятной фамилии казался ему пижоном. — Шмаровоз какой-то. Кто он? Поляк? Хохол? А? — Костя обвел взглядом присутствующих. — А может, литовец? Подумать только... Шну-ра-пет! Купил у меня тридцать кубометров леса. Может, он вообще немец? Издеваются над народом, как хотят.

— Это да, — поддакнул Авдеев. — Чего только не бывает. Еще вчера поляки приезжали к нам за картошкой, а теперь летают в Катынь, наводят свои порядки. Я читал. Не доказано ничего. Могли НКВД переодеть в форму гестапо, а могли и наоборот...

— Ты не знаешь его? — спросил Костя примирительно.

— Кого?

— Шнурапета. Андрея Шнурапета из Кобыльника.

— Нет.

— Я сам ему позвоню.

— Сам? — встрепнулся Авдеев.

Костя смерил Авдеева недоверчивым взглядом. Он не любил, когда в серьезности его намерений сомневались.

— Сам. Лакеев у нас нет. Напиши мне депутатский запрос! И отвечу тебе лично.

— А секретарь? Он зачем?

— А секретаря нет. Не положено. Я сам отвечаю на запросы, работаю.

— И Василия Васильевича знаете?

— Угу.

— И Ивана Вацлавовича?

— Я, знаете ли, мясом не торгую!

Уже третий год Константин Константинович Воропаев числился главным лесничим национального парка. По здешним меркам — большим человеком. В связи с повышением изменился в лучшую сторону. Выглядел сердитым, если не суровым. То есть ответственным. У близких людей считался застенчивым, а самим собою бывал только на охоте, в одиночестве. Общественную деятельность воспринимал как докучливую, но необходимую повинность. Раз в неделю исполнял депутатские обязанности, но мы ни разу к нему не наведывались. О карьере всегда отзывался шутливо. Он любил лес. Знал его с детства и не представлял иной жизни, кроме как вместе с родным Нарочанским краем. Отношение к лесу было глубоко личным, а в эту область он никого не допускал.

Мы сидели на хуторе, бывшей партийной даче на берегу озера Мястро, в годы борьбы с привилегиями наскоро переименованной в Новомядельское лесничество. В последнее время дом сдавали туристам за сто долларов в сутки: по большей части россиянам и немногочисленной местной знати. Хороший деревянный сруб, баня во дворе, столетние грабы, огороженная территория. Когда-то Костя жил здесь с женой Рогнедой и сыном Александром, потом получил дом в Мяделе и переехал. Сейчас заскочил к Панасевичам по каким-то мелким вопросам, предложили пообедать — не отказался.

Антоновна разливала уху, делилась впечатлениями от новой службы. После переоборудования хутора в гостевой дом она стала распорядительницей. Панасевичи жили по соседству, через забор; всегда состояли при этом хозяйстве, традиционно ходили париться в партийную баню.

— Не можа быць такога на белым свеце, — причитала она. — Не, не можа. Лярва масковская. Кажа: я зняла хату — значыць, ніхто не маець права тут хадзиць. Што ж гэта такое? Чаго гэта? Я всягда имею права тут хадзиць. Тры часа тапила ёй баню, тры часа! А яна схаdziла папарыцца на пяць минут. И усё — выходзиць, благадарыць. «Спасиба» сказала, и усё! Бач ты — спасиба! Я ёй тры часа тапила, а яна — спасиба. От лярва!

Авдеев на лету уловил ход ее мыслей, решил обобщить.

— Раней у Беларусі жылі вялікія арлы, — он развел руками, изображая размах орлиных крыльев. — Вялікія птахи! Хищники, санитары. А вось чаму? А таму, што былі тут вялікія лясы.

Он посмотрел куда-то в потолок.

— Арлы сядзелі на вялікіх лясах. И усе их баяліся. А потым мы тыя лясы пасеклі. Усё звялі на шэпкі. Ты скажы, Канстанцінавіч, скажы ім. Мы усе лясы пасеклі, а рыбу зьели.

Константин Константинович в разговор подобной направленности включаться не хотел. Кивал головой на всякий случай и ел суп. Я обедал вместе с ними, ожидая пробуждения господина Чернявского. Вместе с ним сегодня собирались ехать в город. Он переутомился, уснул среди бела дня. Стрелки часов подска-

зывали, что пора бы проснуться, и я попросил Антоновну толкнуть Чернявского раз-другой.

— А то поздно уже. Пусть как-то определится. Я часто в Минске бываю. Могу в следующий раз взять. Намекни ему как-нибудь...

— Сейчас он у меня определится, — сказала Антоновна зловещим шепотом и ринулась в спальню с мухобойкой.

— Ата-та! Ата-та! — Из комнаты донеслись ее возгласы и резкие хлопки по какой-то мягкой и отзывчивой части тела. — Айда, Серафим Павлович! Вставайте! Карета подана, мать вашу!

Серафим Павлович вышел из комнаты мятый и непротрезвевший. Огляделся, явно не узнавая ни окружающих его товарищей, ни обстановки. Раздосадованно крикнул, уронил на пол очки, которые держал в обеих руках за дужки; бросился к электроплите и схватил кипящий чайник. Все привстали от неожиданности. Глаза Серафима вылезли из орбит, рот, казалось, был набит каким-то твердым рассыпчатым веществом. Раскачивая исходивший паром чайник, Чернявский соблюдал при этом осторожность, но подходить к нему никто не решался. Он был сосредоточен на какой-то мысли, пригрезившейся ему во сне. Поблуждал по дому с чайником, прислушиваясь к его остывавшему нутру и своим пробуждавшимся идеям. Что-то бормотал о детях и собаках. Наконец выскочил во двор и, подбежав к моему автомобилю, начал бережно поливать кипятком его ветровое стекло.

— Почему не завел двигатель? — кричал он. — Надо дать машине прогреться. Антоновна, подай кипяточка! Побольше! Сережа, прогрей мотор!

Антоновна вышла на крыльцо, встала руки в боки. Рассматривала соседа, играя взглядами, пока Чернявский ее не заметил. На ее появление он отреагировал еще более странно. Произнес вдруг с артистичной фамильярностью:

— Я многое о вас понял, Маргарита Антоновна! Посмотрел, какую говядину вы выбираете, — и понял! А вот вам этого не понять! — расхохотался он напоследок.

Я наконец вышел во двор. Листва раннего лета шумела над нашими головами. Где-то в вековых лесах кукушка рассыпала свои щедрые обещания. «Вяликие» орлы кружили над нами, мечтая вернуться на постоянное место жительства в Беларусь. Было абсолютно понятно, что в город я сегодня еду один. Видимо, за полночь. Надо было отвезти Чернявского до хаты, успокоить родных, собраться...

2. ИЕРОГЛИФ

Выехав из Мяделя, я решил заскочить домой, попрощаться с женой. У поворота на Гатовичи заметил, что ко мне приближается разноцветный трактор с четырьмя детскими вагончиками. В таком катают детей по курортному поселку. Картинка из послевоенного европейского кино. Костя говорил мне что-то о приезде губернатора Минской области. Сказал, что завтра будет вынужден надевать пиджак. Значит, они решили покатасть начальство по дендросаду на паровозе. Бог в помощь.

Время здесь застыло — некоторые изменения произошли, но дух остался прежним. Не знаю, чем определяются приметы эпохи: одеждой людей, вы-

бором товаров в магазинах, наличием тех или иных памятников и мемориалов, транспарантами... Дух времени чувствуется безошибочно. Мы в прошлом. В сладком, пыльном прошлом, мешающем нежную радость узнавания с застарелой неприязнью и возмущением. Приехать сюда — вернуться в недавнее державное вчера. Пусть державы уже нет и не будет, но здесь осталось нечто навсегда ушедшее. Остались мы сами — те, кто бессознательно сохранил эту страну. Не допустили полного разрыва. Осталась палочка-выручалочка, последний несожженный мост, лазейка. Хорошо, что под боком сохранился заповедник старых порядков и нравов. Безвизовый режим. Единая экономическая зона. Зона. Вот именно.

Соляру я заливал обычно в Илье: следующие заправки будут только на подъездах к городу. В этих краях они смотрятся трогательно: пара цистерн у края дороги, будка кассира, киоск и деревянный сортир. Час был поздний, в темноте АЗС походила на полустанок или бивуак анархистов. Я вылез из машины, направляясь к туалету. По пути мне встретились два невысоких китайца. Они поздоровались, коротко спросили о сорте бензина и тут же скрылись в сумраке, шумно о чем-то споря на родном языке. Перемены произошли и здесь: раньше ни китайцы, ни даже кавказцы в деревенской местности мне не встречались. У кассового аппарата тоже сидел китаец, крупный, похожий скорее на спортсмена-тяжеловеса, чем на гастарбайтера. Солидный. При пиджаке и галстук. Увидев меня, он громко рыгнул, но, прикрыв рот рукою, тут же объяснил:

— Извините, это мой чай.

— Мне на двести тысяч, — сказал я, рассматривая выбор напитков в мобильном холодильнике. — И бутылку воды.

— Берите без газа, — сказал китаец с удивительной сердечностью, и я не услышал ни фальши, ни акцента. — Я всегда пью воду без газа.

— Принципиально?

— Нет, просто так полезнее. Я не хотел бы вдаваться в детали, но вам будет лучше, если вы возьмете без газа.

— Ну хорошо, — пожал я плечами. — Давайте одну бутылку.

Он встрепенулся.

— Нет. Пожалуйста, возьмите побольше. Возьмите десять. Ну, хотя бы восемь бутылок. Они вам пригодятся.

— Почему вы так думаете?

— У нас лучшая вода в республике. Это последний ящик. Поверьте мне на слово. Это очень хорошая родниковая вода. Теперь такая вода — редкость.

— Ну, если вы настаиваете, — сказал я шутливо, — давайте ящик. Что за вода, кстати? «Боржоми»?

— Да, — расплылся он в улыбке. — Она самая. «Боржоми» без газа. Настоящий «Боржоми» всегда без газа.

Я вытащил ящик из холодильника, расплатился. Потом подмигнул ему и довольно натурально рыгнул:

— Извините, это мой кофе...

Китаец улыбнулся, помахал рукою:

— Приезжайте еще. У нас лучший бензин, лучший «Боржоми»!

Заправщики возились с моей «Вестфалией» долго. Давно стемнело, но по движению их теней можно